

УДК 070; 82.0; 82.09

ББК 76.120

Б 57

Ф.Б. Бешукова

Постмодернистский дискурс современной медиакультуры

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматривается проблема научной идентификации состояния культуры современного постиндустриального общества. Основное внимание уделяется феномену постмодернизма как культурологической модели современности и одной из его важнейших составляющих – постструктурализму.

Ключевые слова:

Постмодернизм, постструктурализм, дискурс, массмедиа, медиакультура, «диалог культур», язык, код, коммуникация, «свой» и «другой».

Состояние современного общества имеет различные определения: период развития «постиндустриального общества», «постмодернистская эпоха», период «постмодернистской революции» или «глобализации».

Несомненно одно – одним из определяющих состояние общества факторов является культурный. Эволюция современной культуры движется в направлении от модерна к постмодерну. Постмодернистский дискурс при анализе любых культурных явлений современности позволяет говорить о диалоге культур, так как феномен постмодерна зародился в Европе и Америке, а затем перешел на российскую почву. Современная художественная критика ищет ответ на вопрос о сущности постмодернизма в России – заимствованное ли это явление, или же постмодерн в России имеет национальные особенности и развивается по индивидуально-национальному типу.

Исследователи состояния современного общества отмечают, что идет процесс формирования «глобального», «планетарного мышления», духовной определяющей которого, несомненно, является культура. Сейчас все меньше голосов настаивают на особом российском пути развития. В своей последней книге «Раздумья о России» Д. С. Лихачев говорит о связи европейской и русской культур: «Русская культура всегда была по своему типу европейской и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное

начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе» [8: 2].

При современном уровне развития медиакультуры невозможно замкнуться на узко национальном, своем, так как компьютер, CD-Rom, DVD, Интернет, спутниковое и кабельное телевидение все больше влияют на общественное сознание, давая невероятные познавательные возможности. Человек сегодня осваивает окружающий мир в комплексе его социальных, нравственных, художественных, психологических составляющих. Такая мозаичная модель освоения и познания мира позволяет говорить о ситуации постмодерна.

Теория «диалога культур» была предложена М. М. Бахтиным, затем получила развитие в трудах Ю. Лотмана, В. Библера и других исследователей. М. М. Бахтин пришел к теории «диалога культур» через анализ проблемы «другого». Ю. Лотман, основатель отечественной семиотики, в процессе познания реальности, в том числе и «другого», существенную роль отводит медиатексту, предлагая возвести его на уровень «абстрактного языка» [9: 67]. В. Библеру принадлежит тезис о том, что на рубеже XX и XXI веков обозначилось отчетливое «смещение эпицентра всего человеческого бытия – к полюсу культуры» [3: 3]. Также Библер, вслед за Бахтиным, утверждает, что «разум культуры актуализируется именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур» [3: 8].

Бахтин предлагает термин «идеологическое становление» что, по мнению Е. А. Богатыревой, означает «процесс приобщения к культуре, освоения заданных культурных матриц, который одновременно должен означать и факт самореализации личности» [4: 92]. По Бахтину, приобщаться к культуре – это значит вступить в диалог социальных языков, которые и определяют внутреннюю жизнь сознания. Главное, утверждает ученый, не раствориться в бытии, а сохранить, сконцентрировать индивидуальное начало путем волевого усилия. При этом Бахтин проводит различие между словами, принадлежащими субъекту («чужими словами»), представляющими другие индивидуальные сознания, и словами, оседающими в предмете – теми точками зрения, мнениями, суждениями, которыми предмет «опутан как сетью». Вступить в диалог – значит сказать слово и тем самым вступить в отношение ко всему, что уже было «сказано». То есть стать причастным к этому «оговоренному чужими словами миру» [см: 4, 92]. В философии языка Бахтина на первый план выходит слово, без которого невозможен процесс коммуникации. Поставленные ученым проблемы – «языка культуры», «диалога культур», «человека и культуры» – это проблемы нашей современности. Они носят столь концептуальный характер, что нашли продолжение и развитие в трудах многих исследователей языка, текста, мышления, таких как, например, Л. Выготский, В. Библер, Ю. Лотман, Ю. Кристева.

В современном научном знании наблюдается неугасающий интерес к проблеме бессознательного и осознанного. По Бахтину, бессознательное означает уход от ответственности, а значит, и от своей индивидуальности и лишь осознанное соответствует своему «я». Далее Бахтин приходит к выводу о том, что признать – это значит бессознательное сделать осознанным.

Проблема языка в современной науке получила новое осмысление. Несомненную роль в этом процессе сыграли научные школы структурализма и постструктурализма. Понятие свободы личности связано напрямую с выбором языка общения. Постструктуралисты пришли к выводу о том, что язык – есть проявление формы власти, через язык человек вступает в социальные и личностные отношения, через язык

формируется сознание и функционирует мышление. Соответственно язык является средством манипулирования, нередко насильственного, сознанием индивида. Например, известный французский ученый П. Рикер считал, что структура диалога «в принципе конфликтна, несимметрична, включает в себя возможность насилия, а значит и зла» [11: 323-324.].

Теорию или высказывание любого мыслителя нельзя вырывать из дискурса его эпохи, а нужно адаптировать к современности. Несомненно, что диалог имеет различные функции и аспекты проявления, как положительные, так и негативные. В сегодняшней культурологической ситуации можно согласиться с Н. Кирилловой, современным культурологом, в том, что «все же диалог – это взаимодействие разных языков, разных культур, взаимодействие категорий «я» и «другой» как реализация ценностных установок, как особый взгляд на мир». Несомненно, что «Бахтин через «традиционную» и «модернистскую» культуру сумел, по сути, «раскодировать» весь XX век, расшифровывая и анализируя эволюцию «форм видения» действительности, роль слова и диалога в культуре как главных факторов коммуникации» [7: 211].

Отношение к диалогу в теории культуры и художественного творчества сегодня неоднозначно. «О нем говорят как об «исходном феномене философствования», как «идеализированной позиции», поскольку в общении разных культур зачастую складывается ситуация непонимания. Это свидетельство дальнейшего развития теории диалогизма, ее многозначности и полифункциональности» [7: 210].

Бахтинская теория полифонии оказалась как никогда востребованной в эпоху постмодернизма. Диалог автора с читателем, манипуляции с цитатами, обыгрывание штампованных фраз, которые, перейдя в новый контекст, как и предполагал Бахтин, обросли новыми смыслами – все это стало отработанными творческими приемами и неотъемлемой частью медийного пространства.

Понимание современной культурной ситуации невозможно без осмысления философских, мировоззренческих, социологических установок постмодернизма как культурологического феномена конца XX – начала XXI века.

Понятия «постмодерн», «постмодернизм» многозначны, они используются для обозначе-

ния своеобразной ситуации в политике, социологии, художественном творчестве, то есть почти во всех сферах бытия. Феномен постмодернизма возник как специфическая реакция на устоявшиеся формы предшествующей культуры Европы и Америки. Эпоха модернизма сменилась в середине XX века эпохой постмодернизма. Трактовка понятия «постмодернизм» неоднозначна и в плане определения времени и места его появления, и, что существеннее, – в его идентификации как парадигмы научного знания. Большинство теоретиков постмодернизма (Р. Барт, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, И. Хасан, Ж. Ф. Лиотар, У. Эко и др.) склоняются к мысли о том, что постмодернизм возник сначала в русле художественной культуры (архитектура, литература), а затем распространился на остальные сферы гуманитарной деятельности индивида.

Постмодернизм – явление неоднозначное, не линейное, его связи с предшествующими типами культуры противоречивы, в особенности, с модернизмом. По мысли Р. Барта (относительно размытых понятий): «В любом случае тут всегда останется место для неопределенности: разграничение этих понятий не приведет к твердым классификациям, парадигма сохранит подвижность, смысл – шаткость, неокончателность, обратимость; дискурс останется незавершенным» [10].

Прежде всего постмодернизм выступает против авангарда. У. Эко говорит о необходимости создания новых структур, которые могут отобразить ситуацию и предлагает свою модель «открытого произведения» – «трансцендентальную схему», фиксирующую и отражающую двусмысленность нашего бытия в мире [13: 88-104].

Постмодернистская теория художественного творчества наиболее полно отражает основные постулаты нового художественного феномена. Через язык, через текст новые идеи находят дорогу к сознанию личности. Немаловажную роль в формировании постмодернистской теории сыграли постструктивизм и деконструктивизм, заложившие основы современного понимания структуры языка, текста

Постструктурализм стал философской составляющей постмодернизма. Изначально он противопоставляет себя позитивизму, отвергая

любые попытки рационально-научного объяснения любых факторов культуры. В теории современного знания постструктурализм трактуется как – «совокупное обозначение ряда подходов в социо-гуманитарном познании 1970-80-х годов, ориентированных на семиотическое истолкование реальности («текстуализированный мир»), опирающихся на концепцию знака как единства означаемого и означающего» [12].

Постструктурализм «проявляется как утверждение принципа «методологического сомнения» по отношению ко всем «позитивным истинам», установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе и применяющимся для его «легитимизации», т.е. самооправдания и узаконивания» [6: 106]. Он направлен на разрушение позитивистских представлений о природе человеческого знания, рационалистических обоснований феноменов действительности (прежде всего культуры), всякого рода обобщающих теорий, претендующих на универсализм, непререкаемую «истинность». Стратегия «законодательного разума», расцениваемого как авторитарный, сменяется в постструктурализме стратегией разума интерпретирующего.

Постструктурализм возникает в конце 60-70-х гг. во Франции и США как направление философской мысли, ориентированное на пересмотр идей структурализма, игравшего главную роль в интеллектуальной жизни Запада в 50-60-е гг. К числу его представителей относят Деррида, К. Касториадиса, Лиотара, Бодрийяра, Делёза, Р. Барта (в поздний период его творчества) и организованный им кружок «телькелистов» – Ю. Кристеву и др. К постструктурализму также нередко относят работы Фуко периода «генеалогий власти». В Америке к данному направлению относят литературоведов «деконструкционного» направления (Х. Блум, П. де Ман, Д. Х. Миллер и др.).

Постструктурализм впитал определенные открытия в области языкознания (гипотезу американских языковедов-структуралистов Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа о влиянии языка на формирование моделей сознания), семиотики (науки о знаках и знаковых системах), семиотики культуры (раздела семиотики, изучающего так называемые вторичные языки – разнообразные языки культуры: литературы, театра, кино, цирка, живописи, архитектуры и

т.д.), семиологии (раздела семиотики, занимающегося изучением больших значащих единиц языка), подвергая их в то же время критической ревизии и скрепляя с постфрейдизмом (Лакан, Делез, Гваттари, Кристева, Лиотар).

Отношения постструктурализма со структурализмом являются достаточно сложными: отрицая в целом теоретико-методологическую направленность структурализма на объективное познание человека через формирующие принципы символической деятельности, постструктурализм тем не менее очень многое заимствовал у структурализма, например, понимание культуры, прежде всего, как языковой и текстуальной деятельности и стремление соотносить текст с сознанием и опытом его автора. Объектом рассмотрения и анализа постструктуралистов становится все, что осталось за пределами структурного осмысления.

Прежде всего – это контекст, влияние которого не рассматривалось структуралистами, и совокупность определяющих его индивидуальных явлений и черт. Постструктурализм акцентирует свое внимание на динамике, изменчивости, которые не схватываются при структурном анализе. В центре оказываются те элементы текста, которые невозможно свести к сегментному дихотомическому делению; они предстают как несистемные, уникальные, нерасчленимые. В целом то, что вообще выходит за рамки упорядоченности, предстает как случайное, воплощает свободу, волюнтаризм, иррациональность в человеческом действии.

Теория постмодернизма не только впитала важнейшие открытия постструктурализма, но оказалась настолько тесно с ним связанной определенным единством философских и общетеоретических положений, что дает возможность говорить о постструктуралистско – деконструктивистско-постмодернистском комплексе как широком и влиятельном, интердисциплинарном по своему характеру, течении в культурной жизни Запада 70-90-х гг., охватывающем различные сферы гуманитарного знания, как считает И. П. Ильин.

Решающую роль для формирования постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса сыграли парижские философские и интеллектуальные дискуссии 60-70-х гг., и прежде всего – идеи и концепции, развиваемые ведущими французскими пост-

структуралистами и постфрейдистами Жаком Лаканом, Мишелем Фуко, Жилем Делезом, Феликсом Гваттари, Юлией Кристевой, Жаком Деррида, Роланом Бартом, Жаном-Франсуа Лиотаром, Пьером Клоссовски и др. Несводимые к какой-либо одной модели, эти идеи и концепции так или иначе уходят своими корнями в философию становления, стремящуюся дать как можно более полное обоснование идеи бытия как становления (Фридрих Ницше, Анри Бергсон, Эдмунд Гуссерль, поздний Мартин Хайдеггер и др.), а также в какой-то степени – в философию скептицизма с ее сомнением в возможности открытия универсально пригодной для всех людей, времен, случаев жизни истины.

Вопросы познания и смысла рассматриваются теоретиками постструктурализма сквозь призму языка, на котором выражает себя философия и «правдивость» которого ставится под сомнение. Поэтому современные западные классификаторы философских направлений относят постструктурализм «к общему течению «критики языка» (*la critique du langage*), в котором соединяются традиции, ведущие свою родословную от Г. Фреге и Ф. Ницше (Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Остин, У. В. О. Куайн), с одной стороны, и от М. Хайдеггера (М. Фуко, Ж. Деррида), с другой» [5: 107]. Критику языка науки, индустрии культуры и т.д. (являющегося, по Фуко, продуктом властных отношений) постструктуралисты (в традициях франкфуртской школы *Kulturkritik*) рассматривают как критику современной культуры и цивилизации. Через язык средств массовой информации, утверждают теоретики постструктурализма, людям исподволь навязывается определенный образ мышления, отвечающий нуждам господствующих идеологий, происходит манипулирование сознанием. «Выявляя во всех формах духовной деятельности человека признаки скрытой, но вездесущей (*cachée mais omniprésente*) метафизики, постструктуралисты выступают прежде всего как критики «метафизического дискурса» [5: 107]. Своего предтечу они видят в Ницше, хотя и Ницше для них не икона, а генератор мысли. Среди структуралистов, перешедших на позиции постструктурализма, можно выделить имена Барта и Фуко, ставших ведущими теоретиками постмодернизма. Важно отметить, что исследовательская направленность философской мысли во второй

половине XX века претерпела кардинальные изменения. Вопросы познания сменились интересом к языку, в центре современных философских исследований оказались проблемы языка, а не соотношения мышления и бытия, как это было в классической философии, хотя постструктуралистские теоретики опираются на идеи Ф. Ницше, Хайдеггера, Бергсона.

В современном постструктурализме язык рассматривается как инструмент социальной коммуникации, и его функционирование проявляется в «деградации языка повседневности», он служит признаком «извращения человеческих отношений», симптомом «отношений господства и подавления». Соответственно ведущие представители постструктурализма Деррида и Фуко представляют критику языка как критику культуры и цивилизации в целом.

Исследования теоретиков постструктурализма отличает внимание к культурологии / культурфилософии. Для демонстрации своих гипотез, изложения концепций они широко используют художественную литературу. Это связано как с тем, что большинство создателей постструктурализма вышло из рядов литературоведов, так и с их отношением к литературе как к наиболее объективной, живой и полной форме знания и, наконец, с тем, что современное литературоведение, радикально меняясь, «перестает быть только наукой о литературе и превращается в своеобразный способ современного философского мышления» [5: 108].

Принято считать, что постмодернистское произведение адресуется и к массе, и к элите (профессионалам). Классическим образцом постмодернистского романа является «Имя розы» У. Эко., сравниваемый со «слоеным пирогом».

Постструктурализм в определенной степени является результатом реализации постмодернистских интенций в отношении к тексту, языку, знаковой деятельности человека. Достаточно многообразными являются и стилистико-жанровые формы текстов постструктурализма: они носят философский, научный, публицистический характер, часто являя собой достаточно противоречивый сплав этих стилей.

Именно в работах постструктуралистов явно обозначилась тенденция к размыванию границ между различными областями человеческого знания – искусством, философией, нау-

кой, что является одной из характерных примет современной культурной стилистики.

Центральным звеном постструктуралистской концепции становится «дискурс» (от позднелат. *discursus*) – многозначное понятие, введенное структуралистами. Дискурс трактуется как «специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [5: 45]. У Фуко дискурсия – «это промежуточная область между идеями, законами, теориями и эмпирическими фактами, это область условий возможности языка и познания» [1: 27].

Сверхзадачей постструктурализма являлось исследование феномена тоталитаризма и тоталитарного сознания, их связи со структурой и языком, борьба с тотальностью во всех ее видах, активизировавшаяся под воздействием студенческих волнений в Париже в мае 1968 г. Поэтому для постструктуралистов неприемлемыми оказались те формы знания, которые претендуют на универсализм, обобщающий характер, обладание абсолютной истиной. Утвердившиеся в сознании современного европейца истины/ценности постструктуралисты подвергают сомнению и переосмыслению. В самом общем плане постструктурализм можно охарактеризовать «как саморефлективную критику современной цивилизации и как общетеоретическое и методологическое основание для возрождения, высвобождения внутренних принципов, «неразрешимых» противоречий современного мира» [6: 391].

В отношении к человеческому сообществу в постструктурализме общество и культура предстают как поле тотального проявления отношений «власть – подчинение»; власть, реализующаяся и как воля к доминированию, и как стремление к упорядоченности, структурированности, устойчивости, единству.

Р. Барт в центр своей Актовой лекции поставил проблему дискурса власти: «Имя мне – Легион», – могла бы сказать о себе власть: повсюду, со всех сторон, нас окружают всевозможные лидеры, громоздкие или крохотные административные аппараты, группы давления и подавления; отовсюду раздаются «ответственные» голоса, берущие на себя ответственность донести до нас самый дискурс власти – дискурс превосходства. И мы начинаем догадываться, что власть гнездится в наитончайших

механизмах социального обмена, что ее воплощением является не только Государство, классы и группы, но также и мода, расхожие мнения, зрелища, игры, спорт, средства информации, семейные и частные отношения – власть гнездится везде, даже в недрах того самого порыва к свободе, который жаждет ее искоренения: я называю дискурсом власти любой дискурс, рождающий чувство совершенного проступка и, следовательно, чувство виновности во всех, на кого этот дискурс направлен... Причина этой живучести и вездесущности в том, что власть есть паразитарный нарост на самом трансоциальном организме, нарост, связанный с целостной историей человечества, а не только с его политической, исторической историей. Объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение – язык.

Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: «порядок» и «угроза». Как показал Якобсон, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать» [2].

Основным источником художественного творчества постструктуралисты объявляют вдохновение, зарождающееся в недрах бессознательного. Отсюда и берет начало фундаментальное явление, которое постструктуралисты называют «болезненно патологической замороженностью» (М. Сарук), иррационализмом, неприятием концепции целостности и пристрастием ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному.

В понимании человека в постструктурализме на первое место выходят несистемные, неструктурируемые явления. Источником таких человеческих проявлений мыслится его субъективность, индивидуальные особенности психики, воля, понимаемые не через психоаналитическое бессознательное, а, скорее, через ницшеанский волюнтаризм, отражающий активное взаимодействие человека с непонятным и враждебным окружением с целью реализации его волевого стремления к доминированию над

этим окружением. Для постструктурализма ключевой категорией, характеризующей человека, является желание как универсальная форма проявления стремления человека к коммуникации с окружением, определяющая все формы индивидуального и коллективного действия, социальной и культурной действительности. На место структурной логической упорядоченности сознания приходит понимание его как разомкнутой, хаотичной «магмы» желаний, устремлений, вопросов к внешнему миру, лишь частично определяемых его социальным и культурным опытом.

Предложенная Деррида «деконструкция» – «деструкция-реконструкция» текста подразумевает его фундаментальную «разборку» на элементарные формы во всех планах: композиционном, сюжетном, стилистическом, психологическом и последующую «сборку» – интерпретацию, выявляющую в нем то, что внесено в этот текст конкретным контекстом его создания, желанием его создателя и то, что сам его автор не видит или о чем старается умолчать, но что обнаруживает себя как «след» дискурса власти. Для постструктурализма становятся важными в тексте не структурируемые его элементы, сближающие его с другими текстами (хотя сравнительный анализ остается), а то уникальное, несистемное, маргинальное, что реализовалось в тексте внесознательно и понимается интуитивно. Постструктурализм стремится усмотреть в тексте то, что привнесено в него последующими интерпретациями и что является уже «следом следа», объяснить сходное в тексте не структурной универсальностью, а взаимовлиянием текстов, заимствованием, аллюзией, игрой, неосознанным косвенным цитированием. Для постструктурализма повторяемость и устойчивость элементов текста и стоящих за ними представлений являются не свидетельством структурной универсальности, но проявлением диффузии, «кочевья» отдельных элементов, идей, образов, мимесиса, реализующегося не как подражание природе, а как подражание (осознанное или неосознанное) другому тексту.

Интерпретация текста – это понимание в нем того, что к самому тексту прямо не относится, того, что в нем «вынесено за скобки», и выводит за пределы самого текста в мир желаний, такое понимание есть всегда процесс, но

не результат (Деррида называет его термином «различание» – «differance»). Но при этом для постструктурализма значимыми и важными становится «конструкция текста», выявление тех элементов, из которых он собран, обнажение не структуры, но конструктивных механизмов, технологии создания текста.

Знак в постструктурализме выступает как полная противоположность самому себе – он есть не указание на какой-либо предмет или смысл, а, наоборот, указание на его отсутствие. Знак и смысл превращаются в фикцию, симулакр, маскирующий отсутствие актуального смысла, и предлагающий взамен свои многочисленные коннотации.

Бодрийяр постулирует четыре исторических этапа превращения знака в симулакр, сменявшие друг друга от Возрождения до современности: знак, обозначающий реальность; знак, искажающий, маскирующий реальность; знак, маскирующий отсутствие реальности; знак-фикция, не связанная никак с обозначаемой реальностью, знак и язык являются собственным объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью. Знак ничего не означает или означает лишь самого себя, но при этом в человеческом общении он сохраняет свойства симулакра, детерминируя человека; знак становится полем, где реализуется дискурс власти. Соответственно и означение, создание текста есть «производство фикции», фиксация смысла, который самому себе не соответствует – отсюда и приговор, выносимый постструктурализмом референции.

Постструктурализм разрабатывает новый тип мышления, который нельзя назвать философским и научным, понятийным, логическим и последовательным. Наряду с философским измерением в нем большое значение имеют стиль, литературные и поэтические приемы, метафоры, многозначные и неопределенные слова, «неразрешимые» термины. Такой тип или способ мышления часто обозначается словом «письмо», которое ввел в оборот Барт, у него оно объединяет в себе критический анализ – эссе, литературное творчество и чтение – восприятие. Бартовская концепция письма у других представителей постструктурализма расширяет поле компетенции. У Деррида «письмо» сначала занимает ведущее положение, а затем

тем выступает одной из форм «деконструкции», через которую он пропускает всю историю западной философии, литературы и культуры в целом.

Во всех случаях письмо и деконструкция являются некоей дестабилизирующей силой, способом разрушения или расшатывания устоявшихся норм и правил, взглядов и представлений, иерархий и субординаций, видов и жанров. Продуктом письма и деконструкции выступает дискурс, или текст, который существенно отличается от философского трактата, научной работы или литературного произведения. По своей внутренней организации текст представляет собой сетку, ткань, паутину, лабиринт, у которых нет начала и конца, нет какого-либо объединяющего центра или главного слова. Текст является открытым и незавершенным, для него характерны избыток, безмерность и бесконечность во всем. В его создании важное значение имеет игровое начало. Барт указывает на «игру письма против смысла». Деррида говорит об «игре текста против смысла». Лиотар размышляет о «языковых играх». Текст представляет собой множественность, разнородность, многомерность, полисемию и полифонию.

Выделенные тенденции позволяют дать лишь общую характеристику постструктурализма как направления в осмыслении культуры, которое продолжает существовать, видоизменяться и самоопределяться. Постструктурализм, как и постмодернизм, воплощает определенное «кризисное сознание», возникающее в условиях исчерпанности определенной онтологической и гносеологической парадигмы (в данном случае – новоевропейской), в ситуации «смены эпистем» (Фуко), и как таковой направлен на критическое осмысление прошлого опыта в рамках нового мировосприятия, которое, однако, еще не оформилось как «метанарратив». Предложенные постструктурализмом новые интенции в восприятии текстов культуры, хотя и не воплотились, подобно структурализму, в определенные научные методы и исследования, позволили существенно расширить представление о возможностях и границах понимания культуры.

Постструктурализм размывает границы между философией, литературой и литературной критикой, усиливая тенденцию к эстетиза-

ции философии и ставя до некоторой степени под сомнение само ее существование. Тему смерти философии затрагивает Фуко. Делёз предпочитает говорить скорее о мышлении различия, чем о философии. То же самое делает Деррида, рассматривая философию как «обходной путь к литературе». Некоторые его работы действительно выглядят как литературные вариации на философские темы. Творчеству Барта, Фуко и Дерриды присущ ярко выраженный стиль, в силу чего их иногда называют писателями. В целом постструктурализм представляет собой кризисное состояние философии переходной эпохи постмодерна.

Теория, терминология и методология постструктуралистов прочно вошли в научный обиход многих смежных отраслей знания постструктуралистского комплекса. Концепты – дискурс, текст, метанарратив, эпистема, лабиринт, код, деконструкция, структура и многие другие – сегодня стали всеобщими понятиями гуманитарного научного пространства.

Примечания:

1. Бабетов А. Мишель Фуко: видеть и говорить // Лабиринт / ЭксЦентр – 1991. – № 3.
2. Барт Р. Актовая лекция // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.biometrica.tomsk.ru/index>.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1991.
4. Богатырева Е. А. Драмы диалогизма. М. М. Бахтин и художественная культура XX века. – М., 1996.
5. Ильин И. П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США). Концепции. Школы. Термины: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада, 1996.
6. Керимов Т. Х. Постструктурализм // Современный философский словарь. – М.; Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996.
7. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2006. – 448с.
8. Лихачев, Д. С. Раздумья о России. – СПб., 2001.
9. Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб, 1998.
10. Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989, с. 462-518.
11. Сартр Ж. – П. Что такое литература? // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М., 1987.
12. Современная западная философия. М.: Полит. литература, 1991.
13. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература, 1988. – № 10.